

*Святитель
Феофан Затворник*

ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

БИБЛИОТЕКА ПАЛОМНИКА

Библиотека паломника

святитель Феофан Затворник

Путь ко спасению

ТД "Белый город"

2005

УДК 27-29
ББК 86-372

святитель Феофан Затворник

Путь ко спасению / святитель Феофан Затворник — ТД
"Белый город", 2005 — (Библиотека паломника)

ISBN 978-5-485-00444-6

Книга «Путь ко спасению» является одним из лучших сочинений святителя Феофана Затворника (1815–1894). В этой книге он объясняет, в чем заключен смысл христианства, значение Таинства Крещения для человека взрослого и младенца, каковы ступени на пути духовного совершенствования. Подобно хорошему путеводителю, книга помогает преодолеть сложнейший путь к главной цели человека – спасению собственной души. Данное издание особенное. Текст не просто напечатан в современной орфографии, но переведен на язык, понятный современному читателю, практически без сокращений.

УДК 27-29
ББК 86-372

ISBN 978-5-485-00444-6

© святитель Феофан
Затворник, 2005
© ТД "Белый город", 2005

Содержание

Святитель Феофан Затворник	5
Предисловие	6
Введение	7
Отдел I	9
Отдел II	32
1. СОСТОЯНИЕ ГРЕШНИКА	34
2. ДЕЙСТВИЕ БОЖИЕЙ БЛАГОДАТИ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Святитель Феофан Затворник Путь ко спасению

© Издательство «Даръ», 2005

* * *

Предисловие

Святитель Феофан, Затворник Вышенский (в миру Георгий Васильевич Говоров) – великий русский духовный писатель, оставивший нам в наследство десятки замечательных произведений и сотни писем. Несмотря на то что святитель скончался более 100 лет тому назад, все его сочинения пользуются неизменным спросом, так как не утратили своей духовной пользы. В них конкретные ответы на очень трудные вопросы: что нужно делать, чтобы прийти к Богу, как привести в порядок свою душу, как научиться молитве.

«Путь ко спасению» (1868–1869) святитель Феофан написал для самой широкой аудитории. Однако современный читатель во многом не похож на тех, для кого писал Феофан Затворник. Во-первых, за полтора века заметно изменился русский язык; во-вторых, то, что раньше изучали на уроках Закона Божия в церковно-приходской школе, теперь неизвестно и многим людям с высшим образованием; в-третьих, в XIX в. любили медленное, размеренное чтение, а у наших современников на это иногда не хватает времени.

Готовя к новому изданию эту книгу, мы решили облегчить путь к ней современному читателю. Во-первых, текст был приближен к нормам современного литературного языка: заменены непонятные и изменившие свое значение слова, кое-где упрощен их порядок. При этом такие важные для книги термины, как «возбуждение», «ревность», «трезвение» и т. п., оставлены в тексте, но таким образом, чтобы мысль автора была понятной. Надо отметить, что святитель Феофан иногда пользовался научной лексикой и иностранными словами: в авторской редакции книги встречаем «эгоизм», «акт», «центр», «эффект», «копировать», «сконцентрировать». В этом издании мы воспользовались некоторыми из таких слов для замены устаревших и непонятных.

Во-вторых, цитаты из Священного Писания, библейские имена и церковные термины снабжены пояснениями и примечаниями.

В-третьих, в некоторых случаях мы позволяли себе делать небольшие сокращения. В соответствии со вкусами своего времени святитель иногда повторял одну и ту же мысль разными словами, активно пользовался синонимами; с современной точки зрения все это кажется «длиннотами». Чтобы помочь читателю, мы в некоторых случаях сокращали «длинноты»; впрочем, общий объем книги почти не изменился.

Хотелось бы упомянуть о двух особенностях личности святителя. Во-первых, он был (в лучшем смысле слова) человеком своего времени: следил за научными открытиями, разбирался в международной обстановке и т. п. Делал он это не из любопытства, а в целях успешной проповеди. Например, в этой книге вы найдете сравнения из физики и астрономии, экскурсии в педагогику и психологию. Во-вторых, в Вышенском монастыре Феофан Затворник 22 года находился в полном уединении, но при этом вел очень обширную переписку, отвечая иногда на десятки писем за день. Он делал это не из страсти к общению, а для того, чтобы помочь людям найти путь к Богу. Этой же цели служит и издание, предлагаемое вниманию читателя.

Введение

В «Начертании христианского нравоучения» описаны обязательные для нас чувства и настроения, но этим сказано далеко не все, необходимое для заботы о своем спасении. Главное дело у нас – настоящая жизнь в духе Христовом. А этого только коснись, сколько откроется вопросов и сколько поэтому нужно указаний, и притом почти на каждом шагу!

Правда, там указана последняя цель человека – общение с Богом – и изображен путь к ней: это вера с соблюдением заповедей при помощи благодати Божией. Добавить бы только слово: вот путь! Иди!

Легко сказать: вот путь, иди! Но как это сделать? Большею частью не хватает желания идти. Душа, увлеченная какой-либо страстью, упорно отбрасывает всякое принуждение и всякий призыв, отворачивает очи от Бога и смотреть на Него не хочет. Закон Христов ей не по сердцу, и слушать о нем не желает: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желание идти к Богу путем Христовым, как сделать, чтобы закон укрепился в сердце и человек, действуя по этому закону, действовал бы от себя, без принуждения, чтобы тот закон не лежал на нем, а как бы исходил от него?

Но если кто-то обратился к Богу, возлюбил закон Его – сам путь к Богу, само соблюдение закона Христова обязательно ли будет успешным только потому, что мы пожелали этого? Нет. Кроме желания, необходимы еще силы и умение действовать: нужна деятельная мудрость. Кто вступит на истинный путь угождения Богу или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу путем предначертанного закона Христова, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутьях, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Эти распутья неизбежны из-за остающегося, даже и в обращенном, греховного желания и недостатка сил, которые и в этом состоянии способны представлять вещи в ложном виде – обманывать и губить человека. К этому присоединяется ложь сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами, и когда кто-то от власти его пойдет к свету Христову, гонится вслед и расставляет всякие сети, что бы снова поймать его, и нередко действительно ловит. Следовательно, и тому, кто имеет уже желание идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все повороты, возможные на таком пути, чтобы идущий заранее был предупрежден об этом, видел будущие опасности и знал, как их избежать.

Из-за этих общих всем неизбежностей на пути спасения необходимы особые правила христианской жизни: как дойти до спасительного желания общаться с Богом и старания остаться в нем и как безбедно пройти к Богу среди всевозможных распутий на этом пути. Иначе говоря, как начать жить по-христиански и как, начав, добиться в этом успеха. Это руководство должно взять человека, живущего без Бога, обратить к Нему и потом привести пред лице Его, должно проследить христианскую жизнь в ее явлениях, на деле, от начала до конца, то есть как она зарождается, развивается, зреет и приходит в полноту, или – что то же – написать историю деятельной жизни каждого христианина, показав, как в каком случае он должен действовать, чтобы устоять в своем положении.

Зарождение и развитие христианской жизни существенно отличается от появления жизни естественной. Человек не рождается христианином, а становится им позже: семя Христово падает на землю уже бьющегося сердца. В растении начало жизни – это рост семени, пробуждение как бы спящих сил, тогда как начало истинно христианской жизни в человеке – это некое второе творение, дарование новых сил, ведь естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства. Далее, когда христианство воспринято как закон, то есть решено жить по-христиански: это семя жизни (решимость) не окружено в человеке благоприятными условиями; весь человек, его тело и душа остаются не приспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову. Потому с этой минуты

начинается у человека тяжелый труд – воспитать всего себя, все свои силы по-христиански. Вот почему, если рост растения – это постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, то у христианина оно – многотрудная борьба с самим собою, напряженная и скорбная. Ему надо настраивать свои силы на то, к чему они не склонны; он как воин: каждый шаг своей земли должен отнимать у врагов войной – обоюдоострым мечом принуждения себя и борьбы с собой. Наконец, уже после долгих трудов и усилий христианские начала побеждают, господствуют без сопротивления, пронизывают все человеческое естество, вытеснив враждебные требования и желания, и приводят его в состояние бесстрастия и чистоты, давая блаженство чистых сердцем – видеть Бога в себе в ближайшем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые можно назвать так: 1-ю – обращением к Богу, 2-ю – очищением или самоисправлением, 3-ю – освящением.

На первой – человек обращается от тьмы к свету, от власти сатаны к Богу; на второй – очищает храм своего сердца от всех нечистот, что бы принять идущего к нему Христа Господа; на третьей – Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения – цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все это и определить правилами и будет значить – указать путь ко спасению. Полное руководство в этом деле берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и доводит до возможной для него степени совершенства. Иначе говоря, оно должно показать: 1) как начинается в нас христианская жизнь;

2) как совершенствуется – зреет и крепнет, и

3) какой является в полном своем совершенстве.

Отдел I

О начале христианской жизни через Святое Крещение, с указанием – как сохранить эту благодать в период воспитания

Как начинается в нас христианская жизнь?

Надо нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь, для того чтобы видеть, началась ли в нас такая жизнь, и если не началась, знать, как начать ее, насколько это от нас зависит. Это еще не главный признак истинной жизни во Христе, если кто-то именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное* (Мф. 7, 21). *И не все те Израильтяне, которые от Израиля* (Рим. 9,6). Можно быть в числе христиан и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, рез ко обозначающийся в нашей жизни, когда кто-то начинает жить по-христиански. Христианская жизнь – это старание и сила пребывать в деятельном общении с Богом, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Суть христианской жизни состоит в общении с Богом, вначале обычно скрытом не только от других, но и от себя. Видимое же, или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней – это жар деятельного старания только о христианском богоугождении с полной самоотверженностью и ненавистью ко всему, что этому вредит.

Когда начинается этот жар, тогда начинается христианская жизнь; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански: *Огонь пришел Я низвести на землю, – говорит Спаситель – и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12,49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что ее видимое свидетельство – это зажигаемое в сердце Духом Божиим старание угождать Богу, похожее на огонь, ибо как огонь выжигает то вещество, в котором появляется, так и старание жить во Христе выжигает душу. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и этот огонь наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *всякий огнем осолится* (Мк. 9, 49). И это есть указание на огонь духа, проникающего во все наше существо. Как соль, проходя в портящееся вещество, предохраняет его от гниения, так и дух старания, пронизывая все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу душу и тело, из всех даже малейших его вместилищ и тем спасает нас от нравственной порчи и растрепания.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19), *в усердии не ослабевайте; духом пламенейте* (Рим. 12,11), заповедует это всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или усердное старание, – это неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте он говорит о себе: *забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3,13–14); и другим внушает: *так бегите, чтобы получить* (1 Кор. 9, 24). Значит, в жизни христианской есть некоторая быстрота и духовная живость, с которой берутся за богоугодные дела, пренебрегая собой и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды без жаления себя.

Холодное исполнение уставов Церкви, разумная регулярность в делах, исполнительность, постепенность и честность в поведении еще не свидетельствуют, что в нас началась истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой перед Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бездушные истуканы. И часы хорошие идут исправно, но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: часто имя только имеют, что живы, будучи на деле мертвы (ср. Откр. 3, 1). Эта добропорядочность поведения больше всего может обманывать. Истинное его значение зависит

от внутреннего настроя, в котором при правильных делах возможны значительные отклонения от существенной правды. Удерживаясь внешне от греховных дел, можно питать к ним привязанность в сердце, а делая дела внешне правильные, можно не иметь к ним сердечного расположения. Только истинное старание хочет и совершает добро во всей полноте и чистоте и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет оно как насущного хлеба, с последним поступает как со смертельным врагом.

Враг ненавидит врага не только самого, но и родных его и знакомых, даже его вещи, его любимый цвет, вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. То же и истинное старание угодить Богу: преследует грех в малейших о нем напоминаниях или намеках, ибо стремится к настоящей чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет христианского старания угодить Богу? В чем нет труда, то еще будет исполняться; но если потребуется усиленный труд или какое-либо самопожертвование – сразу последует отказ из-за невозможности справиться с собой. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы заставить себя сделать доброе дело; саможаление подорвет все опоры. Если же примешается какое-то другое желание, то оно и доброе дело сделает недобрым. Разведчики при Моисее испугались оттого, что себя жалели¹. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сжигал внутренний огонь. Истинный христианин исполняет не только закон, но и совет, и всякую добрую мысль, скрытую в душе; делает не только то, что получится, но бывает изобретателем на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде нам нужно, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – усердие и большое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить» (Беседа 31 на Деяния).

Дело благочестия и богообщения – дело многотрудное и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять сил на все эти труды? При помощи благодати Божией – в живом старании. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в своих трудах? Воодушевлением и любовью к своему делу. Тем же самым можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без этого мы будем находить в служении Богу тяжесть, скуку, вялость. И тихоход идет, но с трудом, тогда как быстрой серне или проворной белке движение и переход доставляют удовольствие. Старание угодить Богу – это отрадный, окрыляющий дух путь к Нему. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без этого мы будем все исполнять только по привычке, из-за приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать все; а в противном случае мы одно сделаем, а другое нет, и притом без всякого сожаления и даже памяти об упущенном. Надо все делать со вниманием и осторожностью, как главное дело; а иначе мы будем делать как пришлось.

Итак, ясно, что христианин без старания – плохой христианин, вялый, расслабленный, безжизненный, ни теплый, ни холодный, – и жизнь такая не жизнь. Зная это, постараемся истинно заботиться о добрых делах, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея греха или порока или чего-то от таковых.

Итак, верное свидетельство о христианской жизни – это огонь деятельного старания угодить Богу. Спрашивается теперь, как зажигается этот огонь? Благодаря чему?

Такое старание возникает действием благодати, однако же и не без участия нашей свободной воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается, как к скрытому в нем ростку проникает влага и теплота и через них – всевосстанавливающая сила

¹ Перед завоеванием земли обетованной Моисей послал двенадцать разведчиков, которые доложили: *мы ходили в землю, в которую ты посылаи нас; в ней подлинно течет молоко и мед... но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие... Не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас* (Чис. 13, 28–32).

жизни, так и в нас Божественная жизнь пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и добровольный поиск (действием извне), потом сходит благодать (через Таинства) и вместе со свободой рождает мощное старание. Никто и не думай сам родить такую силу жизни: о ней нужно молиться и быть готовым принять ее. Сильный огонь старания – это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не сжигающим только, но и созидательным старанием.

Некоторым приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Некоторые говорят, что мы не можем сами собою ничего доброго делать. Но здесь речь не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе – такой, которая приводит ко спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники.

Но пусть кто добровольно посвятит себя непрестанному деланию добра, определит порядок его по указанию слова Божия – и это не на один месяц или год, но на всю жизнь, – и решит неуклонно сохранять этот порядок, и потом, когда останется верен тому, пусть хвалится своею силою, а без этого не лучше ли помолчать. Мало ли бывало и бывает опытов самовольного начинания христианской жизни? И все они заканчивались и заканчиваются ничем. Исполняет недолго человек новоизбранный порядок – и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно всегда поддерживать нас в готовности, среди непрерывных приливов временных изменений. Поэтому надо наполниться этой силой, попросить ее и принять по чину – и она приподнимет нас и извлечет из этих временных волнений.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие самодовольные мысли? Когда человек бывает в спокойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн – куда все обещания?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержанную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, появляется новый позыв, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о терпении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или гнева, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Когда дух спокоен, можно самонадеянно мечтать о возможности самому, без высшей помощи, вести христианскую жизнь. Но когда зло, скопившееся на дне сердца, всколыхнется, как пыль на ветру, тогда в собственном опыте каждый найдет осуждение своей заносчивости. Когда мысль за мыслью, желание за желанием – одно другого хуже – начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с пророком: *воды дошли до души моей. Я погряз в глубокой тине* (Пс. 68, 2–3). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!* (Пс. 117, 25).

Не бывает ли часто так: иной самоуверенно мечтает пребывать в добре. Но вот вспомнился человек или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и впал в грех.

После этого оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился случай к развлечениям, и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил: началась брань, укоры, осуждение; подвернулась преступная, но выгодная сделка – берется и за это: одного унизил, с другим связался, третьего столкнул с места – и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? – *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф. 26, 41). Видишь добро и творишь зло: *когда хочу делать доброе, прилежит мне злое* (Рим. 7, 21). Мы в плену: выкупи нас, Господи!

Одна из первых вражеских нападений – это самонадеянная мысль, то есть если не отказ, то чувство, что нет нужды в благодатной помощи. Враг как бы говорит: «Не ходи туда – к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (обманы страстей), где усее цветами закрытую ловушку (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все дальше и дальше и не догадывается, что падает все ниже и ниже, пока наконец не спустится на самое дно зла – к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот этот-то крик и есть действие благодати, которое заставляет грешника в первый раз посмотреть на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански, ищи благодати. Минута, когда сойдет благодать и соединится с твоею волею, будет минутой рождения христианской жизни – сильной, твердой, многоплодной. Где найти и как принять благодать, начинающую жизнь? Благодать приходит и освящает наше естество в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию или приносим Богу свою непотребную природу – и Он преображает ее. Богу угодно было для поражения нашего гордого ума в самом начале истинной жизни скрыть Свою силу в простом веществе. Как это бывает, не понимаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: Крещение и Покаяние. Потому и правила о начале истинно христианской жизни собираются одни вокруг Крещения, а другие – вокруг Покаяния.

Как начинается жизнь христианская в Таинстве Крещения?

Крещение – это первое в христианстве Таинство, делающее человека-христианина достойным получать дары благодати и через другие Таинства. Без него нельзя войти в христианский мир – сделаться членом Церкви. Предвечная Премудрость создала себе дом на земле: дверь в этот дом – Таинство Крещения. Этой дверью не только входят в дом Божий, но при ней же одеваются и в достойную его одежду, получают новое имя и знак, отпечатывающийся во всем существе крещаемого, по которому узнают его потом и небесные, и земные.

Кто во Христе, тот новая тварь, учит апостол (2 Кор. 5, 17). Этим новым творением христианин становится в Крещении. Из купели человек выходит совсем не таким, каким туда входит. Как свет тьме, как жизнь смерти, так крещеный противоположен некрещеному. Зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, человек до Крещения носит в себе весь яд греха, со всей тяжестью его последствий. Он состоит в немилости Божией, он по природе дитя гнева; поврежден, враждебен сам себе. Его части и силы направлены преимущественно на увеличение греха, он подчинен влиянию сатаны, который действует в нем властно из-за живущего в нем греха. Вследствие всего этого он после смерти неминуемо обречен на ад, где должен мучиться вместе со своим князем и его собратьями и слугами.

Крещение избавляет нас от всех этих несчастий. Оно снимает клятву силой Креста Христова и возвращает благословение: крещеные— это дети Божий, как именоваться и быть дал им власть Сам Господь. А если дети, то и наследники Божий, *сонаследники же Христу* (Рим. 8, 17). Царство Небесное принадлежит крещаемому уже после самого Крещения. Он изымается из-под владычества сатаны, который теперь теряет власть над ним и силу самовольно действовать в нем. Приход в Церковь – дом спасения – не подпускает сатану к ново-крещеному. Он здесь как в безопасной ограде.

Все это – духовно-внешние преимущества и дары. Что происходит внутри? Исцеление греховной болезни и повреждения. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает здесь Божественный порядок во всей его красоте, наводит порядок как в составе и отношении сил, так и в главном направлении от себя к Богу – на богоугождение и умножение добрых дел. Поэтому Крещение и есть возрождение или новое рождение, приводящее человека

в обновленное состояние. Апостол Павел всех крещеных сравнивает с воскресшим Спасителем, давая понять, что и у них такое же светлое в обновлении существо, каким явилось человечество в Господе Иисусе, через воскресение Его в славе (см.: Рим. 6, 4). Направление деятельности в крещеном изменяется – это видно из слов того же апостола, который говорит в другом месте, что они *уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего* (2 Кор. 5, 15). *Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога* (Рим. 6,10). *Мы погреблись с Ним крещением в смерть* (Рим. 6, 4), и: *ветхий наш человек распят с Ним... дабы нам не быть уже рабами греху* (Рим. 6, 6). Так вся деятельность человека силой Крещения обращается от себя и греха к Богу и правде.

Замечательно слово апостола: *дабы нам не быть уже рабами греху*, и другое: *Грех не должен над вами господствовать* (Рим. 6,14). Сила, которая в испорченной падшей природе ведет к греху, не совсем уничтожается в Крещении, а только приводится в такое состояние, в котором не имеет над нами власти, а мы не служим ей. Она в нас же находится, живет и действует, только не как господин. Главенство с сих пор принадлежит уже благодати Божией и духу, сознательно себя ей отдающему. Святой Диадок (31 августа)², объясняя сил у Крещения, говорит, что до него грех живет в сердце, а благодать действует снаружи; после же благодать вселяется в сердце, а грех увлекает снаружи. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется снаружи, в частях тела, откуда и действует отдельными набегами. Поэтому он – непрестанный искушитель, соблазнитель, но уже не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает (Добротолюбие).

Так зарождается новая жизнь в Крещении! Что при этом требуется со стороны человека или как доходит он до того, что обновляется в Крещении, изображено в «Начертании нравоучения христианского», особенно в статье «Норма христианской жизни». Здесь это не повторяется, потому что взрослый, приступающий к Крещению, – то же самое, что грешник, обратившийся к Богу в покаянии; а о нем подробная речь будет впереди, во втором разделе.

Здесь обращается внимание на то, как начинается через Крещение христианская жизнь в тех, кто крестится младенцами, как это обычно у нас бывает. Ибо здесь у начала христианской жизни есть некоторая характерная особенность, вытекающая из отношения благодати к свободе.

Вы уже знаете, что благодать нисходит, если есть свободное желание и искание, и что только от их сочетания зарождается новая благодатная жизнь, соответствующая благодати и особенностям свободной твари. Господь подает благодать даром, но требует, чтобы человек искал ее и охотно принимал ее, посвящая себя всецело Богу. Исполнение этого условия в Покаянии и в Крещении взрослых очевидно. Но как оно исполняется в крещении младенцев? Младенец не пользуется разумом и свободой, следовательно, не может исполнить условие к началу христианской жизни со своей стороны, то есть желания посвятить себя Богу. Между тем это условие непременно должно быть исполнено. Из-за способа исполнения этого условия начало жизни, через крещение младенцев, совершается с некоторой характерной особенностью. А именно.

Благодать сходит на младенческую душу и производит в ней все одна, так же как если бы участвовала и свобода, только на том основании, что в будущем этот не сознающий себя и не действующий лично младенец, когда придет в сознание, сам охотно посвятит себя Богу, добровольно примет благодать, найдя в себе ее действия, рад будет, что она есть, возблагодарит, что так сделано для него, и признает, что, если бы в минуту Крещения ему были даны разум и свобода, он не поступил бы иначе и не захотел бы иного.

² Здесь и далее в скобках приводятся дни памяти святых. Поскольку в святцах жития святых распределены по дням памяти, дата служит удобной ссылкой к жизнеописанию святого.

Ради такого будущего свободного посвящения себя Богу и сочетания свободы с благодатью Божественная благодать вся подается младенцу и без него все в нем производит, что ей свойственно производить, только по обещанию, что требуемое желание и предание себя Богу будет несомненно, – обещанию, которое дают крестные, восприемники. Они ручаются Богу перед Церковью, что этот младенец, придя в сознание, именно так употребит свободу, как требуется для благодати, и обяжутся самым делом привести к этому крестника.

Таким образом, через Крещение младенец получает и хранит семя жизни о Христе; но она еще как бы не его – действует как воспитывающая сила. Духовная жизнь, зарожденная благодатью Крещения в младенце, станет своей для человека, явится в полном своем виде, в соответствии не только с благодатью, но и с разумом с того времени, как он, придя к самосознанию, добровольно посвятит себя Богу и с радостью и благодарностью примет найденную в себе благодатную силу. И до того времени в нем действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, она в нем, но еще как бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственной, не только благодатной, но и свободной.

Из-за этого более или менее продолжительного промежутка между Крещением и посвящением себя Богу начало христиански-нравственной жизни через благодать Крещения в младенцах расширяется на неопределенное время, в продолжение коего младенец зреет и образуется в христианина в Святой Церкви среди христиан, как прежде телесно образовывался в утробе матери.

Укрепитесь, читатель, в этой мысли. Она нам будет крайне нужна при определении того, как родители, восприемники и воспитатели должны обходиться с крещеным младенцем, который вверяется им от Святой Церкви и Господа.

Понятно само собою, что после крещения младенца очень важное дело предстоит родителям и восприемникам: так вести крещеного, чтобы он, придя в сознание, осознал в себе благодатные силы, с радостным желанием воспринял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни. Это ставит перед вопросом о христианском воспитании, или о воспитании по требованию благодати Крещения, в целях сохранения этой благодати.

Чтобы яснее было, как нужно обходиться с крещеным младенцем, надо вспомнить, что благодать сходит в сердце и обитает в нем, когда оно поворачивается от греха и себя к Богу. Ради этого деятельно проявляемого настроения далее даются и все другие дары благодати: благоволение Божие, спасение от власти сатаны, от опасности быть осужденному в ад. Когда же это настроение ума и сердца уменьшается или теряется, тотчас грех снова овладевает сердцем, а через грех налагаются оковы сатаны и отнимается благоволение Божие. Благодать в младенце укрощает и заглушает грех, но он может снова ожить и восстать, если дать ему пищу и свободу. Итак, все внимание тех, на ком лежит обязанность хранить принятое из купели дитя-христианина, должно быть обращено на то, чтобы не позволить греху опять получить над ним власть, чтобы всячески подавлять и обессиливать грех, а движение к Богу возбуждать и укреплять. Такое настроение в растущем христианине должно расти, пусть и под чужим руководством, но самостоятельно, чтобы он более и более привыкал побеждать грех и одолевать его ради богоугождения, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это была не работа греху, а служение Богу. Что это возможно, видно из того, что рожденный и крещеный весь – семя будущего или земля, наполненная семенами. Благодать Крещения вливает новое настроение не только в мыслях, но и на деле, то есть оно тоже есть семя жизни. Как всякое семя развивается по своему роду, так может развиваться и семя благодатной жизни в крещеном. Если в нем положено семя преобладающего над грехом обращения к Богу, то его также можно развить и вырастить, как и другие семена. Нужно только употребить на это действенные средства или определить целесообразный способ воздействовать на крещеного младенца.

Цель, к которой все при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы новый человек, придя в сознание, осознал себя не просто человеком, существом разумно-свободным, но и личностью, имеющей обязательство перед Господом, с Которым неразрывно соединена его вечная участь, чтобы он, кроме того, понимал, что может выполнить это обязательство, и видел в себе стремление прежде всего к этому. Спрашивается, как этого достигнуть? Как поступать с крещеным, чтобы, повзрослев, он ничего более не желал, как быть истинным христианином. Как воспитывать по-христиански?

В ответ на это не беремся рассматривать все подробно. Ограничимся одним общим обзором всего дела христианского воспитания, чтобы указать, как в каком случае поддерживать и укреплять в детях добрую сторону и как обессиливать и подавлять дурную.

Здесь прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких-либо способностей. Младенец живет, следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь нужны Святые Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все это в совокупности составит спасительную атмосферу вокруг младенца. Так таинственно приходит благодатная жизнь, зачатая в младенце.

Частое причащение Святых Христовых Тайн (можно прибавить: как можно более частое) живо и действенно соединяет с Господом новую часть Его, через пречистое Тело и Кровь Его, освящает его, умиротворяет в себе и делает неприступным для темных сил.

Поступающие таким образом замечают, что в тот день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, которые сильнее действуют в детях. Иногда оно наполняется радостью, игрой духа и готово всякого обнимать, как родного. Нередко святое причащение сопровождается и чудесами. Святой Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время причащения Господь Своєю благодатью снял оковы с языка того, кто после напоил Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к святому причащению, и очень редко должен был употреблять потом медицинские средства.

Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к святому кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами³; также и дома – частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святою водою, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дом икон из церкви и молебны. Вообще все церковное чудным образом питает благодатную жизнь ребенка; это самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающуюся только душу, чтобы своим дыханием заразить ее.

Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он хранит его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности ребенком.

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные влияния может разрушить и лишит плода неверие, небрежность, неблагочестивая и дурная жизнь родителей. Хотя бы потому, что при этом средства или не употребляются, или употребляются не так, как должно; но особенно из-за внутреннего влияния. Правда, Господь милосерден, особенно к невинным, но есть непостижимая для нас связь души родителей с душою детей, и мы не можем определить, до какой степени первые влияют на последних и до какой степени

³ Воздухи – покровы для сосудов со Святыми Дарами.

при вредном влиянии первых простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей нужно считать самым могущественным средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях.

Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него непрямо.

Есть некий особый путь общения душ через сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем своим обращены к младенцу. Отец и мать исчезают в ребенке и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием, то быть не может, чтобы оно по своему роду не действовало на душу ребенка. Лучший внешний проводник при этом – взгляд. Это точка встречи одной души с другою. Пусть же через это отверстие проходят к душе ребенка души матери и отца со святыми чувствами. Надо, чтобы во взгляде их светилась не только любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более, чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор это сокровище, как некоторый сосуд благодати, даст им достаточно сил сохранять его, и, наконец, непрерывная молитва, возбуждаемая надеждой по вере.

Когда таким образом родители оградят колыбель своего ребенка духом искреннего благочестия, когда с одной стороны Ангел Хранитель, с другой – Святые Тайны и вся церковность будут действовать на него снаружи и внутри, то этим составится вокруг новой жизни близкая ей духовная атмосфера, которая перелет в нее и свой характер, подобно тому как и кровь, начало животной жизни, в свойствах своих сильно зависит от окружающего воздуха. Говорят, что новый сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое вольют в него в ту пору.

То же нужно сказать и об описанном порядке около детей. Он благодатно-спасительно проникает в устанавливающиеся формы жизни ребенка и положит на них свою печать. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы. Начав такой порядок с колыбели, нужно продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве. Церковь, церковность и Святые Тайны – как покров для детей, под которым они должны быть всегда. Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно – Самуил, Феодор Сикеот (22 апреля) и другие. Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял.

Когда у ребенка начинают пробуждаться силы, одна за другою, родителям и воспитателям нужно усугубить внимание. Ибо когда под защитой этих средств будет возрастать и усиливаться в них стремление к Богу и увлекать вслед за собою силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого – внутренняя борьба. Так как дети не способны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но как она должна вестись все же силами детей, то родители должны строго следить за началом их пробуждения, чтобы с первой минуты дать им направление, соответствующее главной цели.

Так начинается у родителей борьба с грехом, живущим в ребенке. Хотя этот грех и лишен точки опоры, но действует и, чтобы остановиться на чем-нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Нужно не допускать до этого и как бы вырывать силы из рук греха и передавать Богу.

Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным знанием правильности избранного способа, нужно хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, как именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, – это своеумие (или любопытство) в уме, своеволие – в воле, самоуслаждение – в чувстве. Поэтому нужно

так направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы не отдать их в плен любопытству, своеволию и самоуслаждению – ибо это будет плен греховный, – а, напротив, приучать отказываться от них, побеждать их и, таким образом, насколько возможно обессиливать их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним следует потом сообразовать и все воспитание. Рассмотрим с этой целью главнейшие действия тела, души и духа.

Прежде всего пробуждаются и потом постоянно состоят в живой деятельности, до самой смерти, потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить привычкой, чтобы потом от них было меньше беспокойства. Здесь опасное для телесной жизни действие есть питание. В нравственном отношении это центр страсти к греховному услаждению плоти или место его развития. Поэтому нужно так кормить ребенка, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе угождения плоти. Не смотрите, что дитя мало, – надо с первых лет начинать воспитывать склонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к власти над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище – два вида чревоугодия, губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.

Поэтому даже врачи и педагоги советуют:

1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для отрока и юноши;

2) подчинить ее употребление определенным правилам (по возрасту), в которых бы определялось время, количество и способ питания и

3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказе от своих желаний. Где кормят ребенка всякий раз, как он заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже он не иначе как с мучением может отказываться от пищи. Вместе с тем он привыкает к своенравию оттого, что успеваешь выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере следует подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие естественные потребности, всегда имея в виду – не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания – изменяя, разумеется, правила в применении, а не в сути, – до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, не возьмет сам себя в руки.

Второе действие тела есть движение; орган его – мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, – орудия труда. В отношении к душе оно центр воли и очень способно развивать своеволие. Умеренное, разумное развитие этого действия, придавая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и создает умеренность. Напротив, неправильное развитие, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других – вялость, безжизненность, лень. Первое укрепляет и делает законом своенравие и непокорность, с которыми связаны наглость, гневливость, неудержимость в желаниях. Последнее погружает в плоть и предаёт чувственным наслаждениям.

Итак, нужно иметь в виду, чтобы, укрепляя силы тела, не раздуть таким образом своеволие и ради плоти не погубить духа. Для этого главное – умеренность, предписание, надзор. Пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и так, как ему приказано. Воля родителей должна отмечать всякий их шаг, разумеется, в общем. Без этого легко может испортиться нрав ребенка. Своевольно порезвившись, дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь мелочах. И это с одного раза; что же сказать, когда этим совсем пренебрегают? Как трудно потом истребить своенравие, если оно осядет в теле, как в крепости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз даже не хочет смотреть, как приказывают.

Напротив, дитя охотно выполняет любое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям. Кроме того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям.

Третье действие тела заключено в нервах – центре чувствительности тела, способном принимать приятные и неприятные для него внешние воздействия. В этом отношении тело нужно приучить безболезненно переносить всякого рода внешние влияния: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жара, холода, ран, болей и прочего. Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек, способный на самые трудные дела во всякое время и во всяком месте. Душа в таком человеке полностью владеет телом, не откладывает, не изменяет, не оставляет дел, боясь телесных неприятностей; напротив, с некоторым желанием обращается к тому, что может не нравиться телу. А это очень важно. Главное зло в отношении к телу – теплолюбив и жаление тела. Оно отнимает всякую власть у души над телом и делает первую рабой последнего; напротив, не жалеющий тела не будет в своих делах бояться угроз слепой любви к жизни. Как счастлив приученный к этому с детства! Сюда относятся медицинские советы о купании, времени и месте гуляний, одежде; главное, чтобы тело испытывало не только приятные воздействия, но, наоборот, больше воздействий беспокоящих. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех ребенок всего боится, а при этих на все готов и способен терпеливо продолжать начатое.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогией. Здесь показывается только, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни: их старательное исполнение не пускает в душу вредный яд чувственных наслаждений, своеволия, любви к телу или жалости к себе, образует противоположные им состояния и вообще приучает владеть телом как органом и не подчиняться ему. А это очень важно в христианской жизни, по самой своей сути лишенной чувственности и угождения телу.

Итак, нельзя оставлять без внимания развитие тела ребенка, а надо держать его в строгой дисциплине с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к христианской жизни, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, даже своего родительского сердца, чтобы дать это благо детям. Иначе все последующие дела их любви и заботы будут или малопродуктивны, или даже бесплодны. Тело – центр страстей, и большей частью самых свирепых: похоти и гнева. Оно же и орган, через который демоны проникают в душу или подселяются к ней. Разумеется, при этом нельзя упускать из вида церковности и из нее ничего такого, чем можно прикасаться к телу, ибо оно будет освящать тело и усмирять жадную животность.

Все здесь не пишется и только указывается главный способ воздействия на тело. Подробности скажет дело, кому нужно. В этом очерке идет речь и о том, как нужно обходиться с телом и во все прочее время жизни, ибо дело у нас с ним одно.

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе немедленно появляются низшие способности в их естественной последовательности. Вот дитя начинает останавливать свой взгляд на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится больше, а другой меньше. Это первые начала чувств, за которыми тотчас пробуждаются воображение и память. Способности эти стоят на переходе от телесной деятельности к душевной и действуют совместно, так что сделанное одной сразу же передается другой. Из-за их важности сейчас в нашей жизни хорошо и спасительно освятить их начало предметами из области веры. Первые впечатления глубоко остаются памятными. Надо помнить, что душа является в мир чистой силой; растет, богатеет внутренним содержанием и разнообразится в деятельности она уже позже. Первую пищу для своего развития она получает снаружи, от чувств, через воображение. Само собой очевидно, какими должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не мешать, но и помогать

развитию христианской жизни. Как первая пища влияет на темперамент тела, так и первые предметы, которыми занимается душа, влияют на характер души или настрой ее жизни.

Развивающиеся чувства доставляют материал воображению; воображенный предмет хранится в памяти и составляет, так сказать, содержание души. Пусть чувства получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы – для глаз, священные пес ни – для слуха и прочее. Дитя еще не понимает ничего из того, что у него перед глазами, но его глаз и слух привыкают к этим предметам, и они, обращаясь к сердцу, тем самым удаляют другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут священные; ему легче будет воображать эти предметы, чем другие: таковы его первые повороты. Затем, в будущем, прекрасное, которое одной стороной существенно связано с формами чувств и воображения, будет привлекать его не иначе как в священной форме. Итак, пусть ограждают ребенка священными предметами всех видов; а все, что может развратить в примерах, изображениях, вещах, – удаляют. Но потом и все последующее время надо хранить тот же порядок. Известно, как сильно действуют на душу извращенные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, подавлено множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями. Это то же для души, что угар для головы.

Не нужно также упускать из вида и образ деятельности этих сил. Дело чувств – видеть, слышать, осязать, вообще испытывать. Поэтому они первые возбудители любопытства, которое потом из-за них переходит в воображение и память и, осев там, становится несокрушимым тираном для души. Не пользоваться чувствами нельзя, ибо только через них и познаются вещи, которые нужно знать ради славы Божией и нашего блага. Но при этом неизбежно и любопытство – неудержимая склонность без цели видеть и слышать, что где делается и как что бывает. Как же при этом поступить? Любопытный старается все разузнать беспорядочно, бесцельно, не различая, нужно ли то или не нужно. Итак, следует при упражнении чувств соблюдать меру и порядок, обращать их только на нужное и после осознания нужды, тогда для любопытства не будет пищи. Следует приучить дитя испытывать то, что считается для него необходимым, от всего же другого удерживаться и отстраняться. Кроме того, в самом действии чувств нужно соблюдать постепенность – не перебежать с предмета на предмет или от одной черты к другой, а, пересматривая одно за другим, заботиться о том, чтобы позже представить предмет как следует. Такой род занятий избавит ребенка от настроения развлекаться даже среди дозволенного, приучит владеть чувствами, а через них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, следовательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе, мутя ее приливом и отливом своих беспутных видений. Не умеющий владеть чувствами и воображением всегда бывает рассеян и непостоянен, мучимый любопытством, которое гонит его от одного предмета к другому до расслабления сил, и все это бесполезно.

Одновременно с этими способностями у ребенка возникают страсти и начинают тревожить его с раннего времени. Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже сердится, завидует, присваивает себе; вообще проявляет действие страстей. Это зло, укрепляющееся на животной жизни, вредно, потому нужно противодействовать ему с первых его проявлений. Как это сделать, определить трудно. Все зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) не давать страстям возникнуть; 2) потом, если проявилась какая страсть, надо спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Так предотвратится их укрепление или предрасположение к ним. Страсть, обнаруживающуюся чаще других, следует лечить с особым вниманием, потому что она может стать господствующей над жизнью. Надежнейший способ врачевания страстей – благодатные средства, к которым нужно обращаться с верой. Страсть – душевное явление, но действовать на душу у родителей сначала нет способов... Потому прежде всего

нужно молить Господа, чтобы совершил Свое дело. Дальнейшим руководителем в этом для старательного отца, или матери, или няньки будет опыт. Когда дитя станет разумным, тогда можно употребить уже и общие средства против страстей. К ним нужно всячески готовиться вначале и потом преследовать во все время воспитания, чтобы дитя умело и привыкло владеть ими, ведь их тревожные набеги не прекратятся до конца жизни.

Если строго соблюдать предписанный порядок воздействий на тело и низшие способности, то душа получит от этого прекрасное приготовление к истинно доброму настрою, но только приготовление, сам же настрой надо создавать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце.

На ум. У детей скоро обнаруживается смышленность. Она одновременна с речью и растет вместе с ней. Поэтому начать образование ума нужно вместе со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем, что встречается или привлекает внимание ребенка: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко обыкновенными разговорами и вопросами. Родители сами говорят между собою: дети прислушиваются и почти всегда усваивают себе не только мысли, но даже обороты их речи и манеры. Пусть же родители, когда говорят, всегда называют вещи своими именами. Например: что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи и прочее. Пусть говорят с детьми и толкуют им или прямо, или, лучше всего, с помощью рассказов: хорошо ли, например, наряжаться; счастье ли, когда похвалят, и прочее. Или пусть спрашивают детей, что они думают о том и другом, и поправляют их ошибки. Этим простым средством можно быстро передать разумные начала для суждений о вещах, которые потом останутся надолго, если не на всю жизнь. Таким способом в самом корне будут подавлены мирские заблуждения и ненасытное любопытство. Истина связывает ум тем, что насыщает его, а мирские заблуждения не насыщают и тем разжигают пылкость. Избавив от них, детям принесут большую пользу. И это еще прежде, чем они возьмутся за книги. Далее, стоит только не давать детям книг с неверными понятиями, и ум их сохранится целым, во здравости святой и Божественной.

Напрасно не заботятся таким образом обучать ребенка, предполагая, что он еще мал. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя мудрее философов – показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде был повсюду. Например, во время мученичества малые дети рассуждали о Господе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и прочем; это оттого, что мать или отец рассказали им о том в простой беседе. Истины эти сроднились с сердцем, которое стало дорожить ими до готовности умереть за них.

На волю. Дитя много желает: все его занимает, все влечет к себе и рождает желания. Не умея отличать добро от зла, оно всего желает и все, чего хочет, готово выполнить. Ребенок, предоставленный самому себе, делается неукротимо своевольным. Потому родителям нужно строго следить за этим видом душевной деятельности. Самое простое средство к ее ограничению – научить детей ничего не делать без разрешения. Пусть с каждым желанием обращаются к родителям и спрашивают: можно ли сделать то или другое? Убедить их собственным и чужим опытом в том, что им опасно, не спросясь, исполнять свои желания, настроить их так, чтобы они даже боялись своей воли. Этот настрой будет самым удачным, но вместе с тем его легче всего воспитать, ибо дети и так обычно расспрашивают взрослых, сознавая свое неведение и слабость; стоит только возвысить это дело и поставить его им в непременный закон. Естественным следствием такого настроения будет полное послушание и покорность во всем воле родителей наперекор своей, готовность и привычка во многом отказывать себе, а главное, опытное убеждение в том, что нельзя во всем слушать себя. Это всего понятнее для детей из их же опыта, что они много желают, но это вредно для их тела и души.

Отучая от своей воли, надо приучать ребенка делать добро. Для этого пусть родители сами представят истинный пример доброй жизни и знакомят детей с теми, у кого главные заботы не о наслаждениях и наградах, а о спасении души. Дети любят подражать. Как рано они умеют копировать мать или отца! Здесь – как с одинаково настроенными инструментами. Вместе с тем и самих детей надо вызывать на добрые дела и сначала приказывать им делать их, а потом наводить, чтобы сами делали. Самые обыкновенные при этом дела: милостыня, сострадание, милосердие, уступчивость и терпение. Всему этому совсем не трудно приучить. Случаев много, стоит взяться. Отсюда выйдет воля, настроенная на разные добрые дела и вообще тяготеющая к добру. И делать добро надо научить, как и все му другому.

На сердце. Под таким действием ума, воли и низших сил и сердце само собою будет настраиваться на здоровые, истинные чувства, привыкать наслаждаться тем, что действительно радует, и нисколько не сочувствовать тому, что под видом удовольствия вливает яд в душу и тело.

Сердце – способность вкушать и чувствовать насыщение. Когда человек был с Богом, находил вкус в вещах Божественных и освященных благодатью Божией. После грехопадения он потерял этот вкус и желает чувственного удовольствия. Благодать Крещения освободила его, но чувственность снова готова наполнить сердце. Этого нельзя допустить, нужно оградить сердце. Самое действенное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце – церковность, в которой всегда должны держаться воспитываемые дети. Любовь ко всему священному, удовольствие быть среди него из-за тишины и теплоты, отказ от блестящего и привлекательного в мирской суете не могут лучше остаться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – самые прекрасные предметы по содержанию и по силе. Надо помнить, что по вкусу сердца будет назначаться и будущая вечная жизнь, а вкус у сердца там будет такой, каким воспитают его здесь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное не подходят для христиан.

Усмиренная и организованная таким образом душа не будет со свойственной ей беспорядочностью мешать развитию духа. Дух развивается легче, чем душа, и раньше нее обнаруживает свою силу и деятельность. К нему относятся: страх Божий (в соответствие разуму), совесть (в соответствие воле) и молитва (в соответствие чувству). Страх Божий рождает молитву и просвещает совесть. Хотя все это обращено к иному, невидимому миру, но дети предрасположены к тому и скоро усваивают себе эти чувства. Особенно легко прививается молитва и действует не языком, а сердцем. Оттого они охотно и без усталости участвуют в домашних молитвах и церковном богослужении и рады этому. Потому нельзя лишать их этой части воспитания, а надо мало-помалу вводить их в это святилище нашего существа. Чем раньше укоренится страх Божий и проснется молитва, тем прочнее будет благочестие во все последующее время. В некоторых детях дух этот проявлялся сам собою, даже среди видимых препятствий. Это очень естественно. Дух благодати, полученный при Крещении, если он не погашен неправильным развитием тела и души, не может не оживлять нашего духа, а при этом – что может препятствовать ему являться в своей силе? Впрочем, совесть требует внимательного руководства. Разумные понятия с добрым примером родителей и другими способами обучения добру и молитва осветят ее и оставят в ней достаточную основу для последующих добрых дел. Но главное, их нужно настроить на совесть и сознательность.

Сознательность чрезвычайно важна в жизни, но как легко ее воспитать, так легко и заглушить в детях. Воля родителей для малых детей – закон совести и Божий. Пусть родители со всем своим благоразумием распоряжаются своими повелениями так, чтобы детям не нужно было нарушать их волю, а если уже нарушили, насколько можно привести их к раскаянию. Как мороз для цветов, так отступление от родительской воли для ребенка; он не смеет смотреть в глаза, не желает ласки, хочет убежать и быть в одиночестве, а между

тем душа грубеет, ребенок начинает дичать. Как хорошо заранее подготовить его к раскаянию, чтобы без страха, с доверием и со слезами пришел и сказал: «Вот я то-то и то-то сделал плохо». Само собой, все это будет касаться только обычных вещей; но хорошо и то, что он приобретет на будущее постоянную, истинно религиозную черту – тотчас подниматься после падения, научиться быстро покаяться и очистить себя или обновить слезами.

Вот порядок: пусть ребенок растет в нем, и все больше будет развиваться у него дух благочестия. Родители должны следить за всеми движениями раскрывающихся сил и все направлять к одному. Это закон – начать с самого первого дыхания ребенка, начать все сразу, а не что-то одно, вести все это непрерывно, ровно, постепенно, без порывов, с терпением и ожиданием, соблюдая мудрую постепенность, подмечая ростки и пользуясь ими, не считая ничего незначительным в столь важном деле. Подробности не раскрываются, ведь имеется в виду указать только главное направление воспитания.

Нельзя определить, когда человек приходит к осознанию себя христианином и самостоятельной решимости жить по-христиански. На деле это бывает в разное время: в 7, 10, 15 лет и позже. Может быть, прежде этого настанет время обучения, как обычно и бывает. При этом неперемное правило – сохранять весь прежний порядок без изменений на все время обучения, ибо он существенно вытекает из природы сил наших и требований христианской жизни. Порядок обучения никак не должен быть противоположен показанному настрою, иначе разрушится все созданное; то есть следует оградить и детей-учеников, как и младенцев, благочестием всех окружающих, церковностью, Таинствами и также должно действовать на их тело, душу и дух. Обучение нужно устроить так, чтобы было видно, что главное и что подчиненное. Мысль об этом легче всего укрепить распределением предметов и времени. Пусть главным считается изучение веры, пусть лучшее время назначается на дела благочестия, и в спорном случае пусть у последних будет преимущество над научностью, пусть одобрение заслуживает не только успех в науках, но также вера и хорошее поведение. Вообще надо, чтобы у учеников не погасло убеждение, что главное дело у нас – угождение Богу, а научность – дополнительное качество, пригодное только на время этой жизни. И поэтому нельзя ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание. Нет ничего губительнее для духа христианской жизни, как эта научность и исключительная забота о ней. Она непосредственно вызывает охлаждение и потом навсегда может удерживать в нем, а иногда еще и присоединить измену, если обстоятельства будут этому благоприятны.

Другое, на что нужно обращать внимание, это дух преподавания или взгляды на предмет обучения. Должно быть непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана православными началами. Всякая наука это позволяет и даже только тогда и будет истинной наукой в своем роде, когда выполнит это условие. Христианские начала, несомненно, истинны. Потому, не сомневаясь, считай их общей мерой истины. У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь, предполагая, что вера и наука – две совершенно отдельные области. Дух у нас один. Он же принимает и науки и пропитывается их началами, как принимает веру и проникается ею. Как же можно, чтобы они не приходили здесь в благоприятное или неблагоприятное соприкосновение? Притом же и область истины одна. Зачем набивать в голову то, что не из этой области или с чем нельзя показаться в ее светлом дворе. Если так вести обучение, чтобы вера и жизнь в духе веры высились над всем во внимании учащихся и по образу занятия, и по духу преподавания, то нет сомнения, что воспитанное в детстве не только сохранится, но и возвысится, укрепится и придет в соразмерную зрелость. А как это благотворно!

Если так воспитывать человека с первых лет, то он мало-помалу поймет, какой характер должна иметь его жизнь. Он больше будет привыкать к мысли, что на нем лежит обя-

занность от лица Бога и Спасителя нашего – жить и действовать по Его предписаниям; что все другие дела и занятия уместны только в этой жизни; что есть другое место жительства, другое отечество, к которому и надо устремлять все свои мысли и желания. В естественном ходе развития каждый доходит до сознания, что он человек. Но если к естеству его привито новое благодатно-христианское начало, в самый первый момент пробуждения его сил и их движения (в Крещении), и если потом при развитии этих сил это новое начало не только не уступало первенства, а, напротив, всегда преобладало, давало как бы форму всему, то, приходя к сознанию, человек вместе с тем обнаружит, что живет по началам христианским, найдет себя христианином. А это и есть главная цель христианского воспитания, чтобы человек сказал себе, что он христианин. Если же, придя в полное сознание себя самого, он скажет: «Я христианин, обещавший Спасителю и Богу жить так и так, с тем чтобы удостоиться блаженного общения с Ним и Его избранными в будущей жизни», – то, сам разумно устраивая свою жизнь, он поставит для себя первым существенным делом – самостоятельно хранить и разжигать дух благочестия, в котором прежде жил под чужим руководством.

Упоминалось, что должен быть особый момент, когда надо намеренно вспомнить все обязательства христианства и наложить их на себя как непреложный закон. В Крещении они были приняты не сознательно, потом соблюдались более чужим умом по чужой воле и в простоте. Теперь нужно сознательно подчинить себя Христу, избрать христианскую жизнь, исключительно посвятить себя Богу, чтобы потом все дни жизни служить Ему с воодушевлением.

Только здесь человек сам начинает собственно христианскую жизнь. Она была в нем и прежде, но, можно сказать, исходила не от самостоятельности, как бы не от него. Теперь он сам, от своего лица, начнет действовать в духе христианина. Тогда свет Христов был в нем, словно свет первого дня творения, рассеянный, разлитый. Но так как свету нужно было дать центры, присоединив его к солнцам, средоточиям планет, так и этому свету надо собраться около исходной точки нашей жизни, нашего сознания. Человек становится вполне человеком, когда приходит к самопознанию и разумной самостоятельности, когда становится полновластным хозяином своих мыслей и дел, придерживается каких-либо мыслей не потому, что другие ему их передали, а потому, что он сам считает их верными. Человек и в христианстве остается человеком. Поэтому ему и здесь нужно быть разумным, но эту разумность он должен обратить в пользу святой веры. Пусть разумно убедится, что исповедуемая им святая вера есть единственно верный путь спасения и что все другие пути ведут в погибель. Человеку делает честь не слепая, а сознательная вера, что он действует как должно. Все это он и делает, когда сознательно подчинит себя Христу.

Только здесь его личная вера, или добрая жизнь по вере, получает твердость и неколебимость. Он не соблазнится примером, не увлечется пустыми мыслями, потому что ясно сознает обязательство мыслить и действовать уже определенным образом. Но если он этого не сознал, то как прежде добрый пример настроил его делать так, как он делает, так теперь недобрый пример может привести его ко греху; и как добрые мысли других прежде владели его умом легко и беспрекословно, так теперь завладеют им злые мысли. И на опыте видно, как непрочны вера и доброта жизни у того, кто вначале не осознал себя христианином. Кто мало встретит соблазнов, тот и дольше будет продолжать зреть в простоте сердца. Но кому нельзя без них, тот стоит перед лицом большой опасности. Мы видим в жизни всех, сохранивших благодать Крещения, что у них была минута, когда они решительно посвящали себя Богу. Это обозначается словами: возгорелся духом, Божественным желанием воспламенился.

Осознавший себя христианином или сознательно решившийся жить по-христиански пусть теперь сам тщательно хранит принятое от прежнего возраста совершенство и чистоту жизни, как ее прежде сохраняли другие. Нет нужды предлагать ему особые правила. В этом

он сходится с покаявшимся, который, отказавшись от греха, воодушевленно решает жить по-христиански. Поэтому с тех пор он должен руководствоваться одними с ним правилами, о которых сказано будет в третьем отделе. Чем он отличается от покаявшегося на пути к совершенству, выяснится само собою.

Теперь нужно сделать только некоторые, но очень важные предостережения для юношеского возраста, исключительно к нему относящиеся. Как хорошо и спасительно не только получить христианское воспитание, но и потом осознать себя и решиться быть христианином до наступления юности. Это необходимо из-за великих опасностей, которым неизбежно подвергается юноша: 1) по свойству своего возраста и 2) по большим соблазнам в это время.

1) Река нашей жизни пресекается волнистой полосой юности. Это время кипения телесно-духовной жизни. Тихо живет ребенок, мало быстрых порывов у мужа, почтенные седины склоняются к покою; одна юность кипит жизнью. Надо иметь очень твердую опору, чтобы устоять в это время от напора волн. Сама беспорядочность и порывистость движений опасна. Начинаются первые его собственные движения – начало пробуждения сил, и имеют для него всю прелесть: силой своего влияния они вытесняют все, что прежде было в мысли и на сердце. Прежнее для него станет сном, предрассудком. Только новые чувства истинны, только они реальны и значимы. Но если он до пробуждения этих сил связал себя обязательством христианской веры и жизни, тогда все движения, как уже вторичные, будут слабее и легче уступят требованию первых уже потому, что те старше, прежде испытаны и избраны сердцем, а главное – скреплены обещанием. Юноша непременно хочет всегда держать свое слово. Что сказать о том, кто не только не любил христианской жизни и истины, но даже никогда не слышал о них?

В этом случае он – дом без ограды, преданный разграблению, или сухой хворост, горящий в огне. Когда своеволие юношеской мысли на все кидает тень сомнения, когда его сильно тревожат страсти, когда вся душа наполняется искусительными мыслями – юноша в огне. Кто даст ему каплю росы для прохлады или подаст руку помощи, если из сердца не выйдет голос за истину, за добро и чистоту? А он не выйдет, если любовь к ним не воспитана прежде. Даже советы в этом случае не помогут: их тогда не к чему привить. Сильны совет и убеждение, если они пробудят в сердце чувства, которые там есть и ценны для нас, но только временно отстранены другими, а сами мы не найдемся, как их высвободить и придать им обычную силу. В этом случае совет – драгоценный дар юноше. Но если в сердце нет основ чистой жизни, он бесполезен.

Юноша живет сам по себе, и кто проследит все движения и повороты его сердца? Это то же, что следить за птицей в воздухе или кораблем в воде! Сердце юноши – как брожение вскипающей жидкости, как движение веществ в разнородной смеси. Все потребности так называемой «природы» проснулись, каждая подает голос, ищет удовлетворения. Как природа наша противоречива, так и совокупность этих голосов то же, что беспорядочные крики шумной толпы. Что же будет с юношей, если он заранее не приучен упорядочивать свои движения и не обязал себя строго подчинять их некоторым высшим требованиям? Если эти начала глубоко укоренились в сердце при первоначальном воспитании и потом сознательно приняты в правило, то все волнения будут как бы на поверхности, не сдвигая основания, не колебля души.

Какими мы выходим из юношеских лет, во многом зависит от того, какими вступаем в них. Вода, падающая с утеса, кипит внизу и клубится, а потом уже идет тихо разными протоками. Это – образ юности, в которую каждый несется, как вода в водопад. Из нее выходят два вида людей: одни сияют добротой и благородством, другие омрачены позором и развратом, а третьи – средний класс, смесь добра со злом, наподобие головни из огня, которые склоняются то на добро, то на зло, как испорченные часы то идут верно, то бегут или отстают.

Кто заранее скрепил себя обещанием, тот как бы укрылся в крепком, не пропускающем в себя воды кораблике или провел по водовороту прочный желоб. Без этого даже доброе воспитание не всегда спасет. Пусть иной и не впадет в грубые пороки, но все же если он не замкнут в себе, то сердце, не огороженное обещанием, будет изорвано увлечениями, и он неминуемо выйдет из лет юности охлажденным: ни туда ни сюда.

Так спасительно прежде лет юности не только получить добрый настрой, но и скрепить себя обещанием быть истинным христианином. Решившийся пусть боится самой юности как огня и потому избегает всех случаев, в которых юность легко развязывается и делается неукротимой.

2) И сама по себе юность опасна, но к этому присоединяются еще два влечения, от которых юношеские возбуждения разгораются сильнее и становятся опаснее. Это: а) жажда впечатлений и б) склонность к общению. Поэтому, чтобы избежать опасности юношеского возраста, можно советовать – подчинить правилам эти влечения, чтобы вместо добра они не принесли зла. Прежний добрый настрой останется в полной силе, если его не гасить и не стеснять.

а) Жажда впечатлений придает действиям юноши стремительность, непрерывность и разнообразие. Ему хочется все испытать самому, все видеть, все слышать, везде побывать. Ищите его там, где есть блеск для очей, гармония для слуха, простор для движения. Он хочет быть в непрерывном потоке впечатлений, всегда новых и потому разнообразных. Ему не сидится дома, не стоит на одном месте, не удается слушать одно и то же. Его стихия – развлечения. Но это го для него мало; он не довольствуется своим, личным испытанием, а хочет усвоить и как бы перенести на себя впечатления других, изведать, что чувствовали, как действовали другие сами по себе или в подобных ему обстоятельствах. Затем он кидается на книги и начинает читать, перебирает одну книгу за другую, часто не разбирая их содержания, у него главное – найти так называемый эффект, в чем бы он ни был и чего бы ни касался. Ново, ярко, остро – самая лучшая для него рекомендация книге.

Здесь появляется склонность к легкому чтению – та же жажда впечатлений, только в другом виде. Но и это еще не все. Юноше часто наскучивает реальность, которая как бы навязана ему со стороны: это его слишком ограничивает, а он ищет некоторой свободы. Поэтому он часто отрывается от действительности, уходит в свой созданный мир и там начинает действовать на славу. Фантазия строит ему целые истории, где обычно герой – он сам. Юноша только вступает в жизнь, перед ним обольстительное, заманчивое будущее. Со временем и ему там надо быть: каким же он будет? Нельзя ли как-то приподнять эту завесу и посмотреть? Фантазия, очень подвижная в эти годы, не медлит с ответом. Здесь обнаруживается и таким образом воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтение, развлечения – все это почти одно по духу: дети жаждут впечатлений, жаждут нового, разнообразного. И вред от них одинаков. Ничем нельзя лучше заморить добрых семян, посеянных прежде в сердце юноши, как ими. Молодой цветок, посаженный на месте, где со всех сторон дуют на него ветры, немного потерпит и засохнет; трава, по которой часто ходят, не растет; часть тела, которую подвергают долгому трению, немеет. То же бывает и с сердцем, и с добрым в нем настроением, если предаться мечтам, или пустому чтению, или развлечениям.

Кто долго стоял на сыром ветру, тот, зайдя в затишье, чувствует, что все в нем будто как не на своем месте, то же бывает и в душе, развлекшейся каким бы ни было образом. Возвратившись из рассеяния в себя, юноша находит в душе своей все в беспорядке. А главное – каким-то покрывалом забвения задерживается все хорошее, и на первом плане стоят одни соблазны, оставленные впечатлением, то есть уже не то, что было в душе и чему всегда следует быть.

Почему, возвратившись в себя после какого-нибудь развлечения, душа начинает тосковать? Оттого, что находит себя обворованной. Развлекающийся сделал свою душу большой дорогой, по которой через воображение, как тени, проходят соблазны и манят за собою душу. Но как только она таким образом оторвется от себя, тайно подходит дьявол, уносит доброе семя и оставляет злое. Так учит Спаситель, объясняя, кто похищает посеянное при дороге и кто есть посеявший плевелы⁴. То и другое творит враг человеческий.

Итак, юноша! Хочешь сохранить чистоту и невинность детства и обещание безупречной христианской жизни? Сколько есть сил и благоразумия, удерживайся от развлечений, беспорядочного чтения соблазнительных книг и – мечтаний! Как хорошо подчинить себя в этом случае строгой и очень строгой дисциплине и быть на все время юношества под руководством. Тех юношей, которым не позволяют распоряжаться своим поведением до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юноше нужно радоваться таким обстоятельствам. Сам юноша, очевидно, дойти до этого едва ли может, но он покажет много ума, если поверит совету быть больше дома за делом, не мечтать и не читать бесполезного. Развлечение пусть отклонит трудолюбием, мечтательность – серьезными занятиями под руководством, которому особенно должно быть подчинено чтение, и в выборе книг, и в образе чтения. Впрочем, как бы кто-то это ни сделал, пусть только сделает. Страсти, сомнения, увлечения разгораются именно в этом, так сказать, шатком брожении ума юноши.

б) Вторая, столь же опасная, склонность у юноши – склонность к общению. Она обнаруживается в потребности товарищества, дружбы и любви. Все они в истинном порядке хороши, но привести их в этот порядок нужно не юноше.

Юношеский возраст – время живых чувств. Они у его сердца как прилив и отлив у берегов моря. Его все занимает, все удивляет. Природа и общество открыли перед ним свои сокровища, но чувства не любят быть скрытыми в себе, и юноша хочет делиться ими. Для этого нужен человек, который мог бы разделять его чувства, то есть товарищ и друг. Потребность благородная, но она может быть и опасной! Кому вверяешь свои чувства, тому даешь некоторым образом власть над собою. Как же надо быть осторожным в выборе близкого лица! Встретишь такого, который далеко-далеко может завести от прямого пути. Само собою разумеется, что добрый естественно стремится к доброму, а отклоняется от недоброго. Есть на это некоторый вкус у сердца. Но опять как часто случается, что простосердечного завлекает хитрость! Поэтому справедливо всякому юноше советуют быть осторожным в выборе друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше, когда первый друг – отец или тот, кто во многом заменяет отца, или кто-то из родных – опытный и добрый. Для решившего жить по-христиански первый данный Богом друг – это духовный отец; с ним беседуй, ему доверяй тайны, взвешивай и учись. Под его руководством, при молитве, Бог пошлет, если нужно, и другого друга. Не столько, впрочем, опасности в дружбе, сколько в приятельстве. Редко видим друзей, но больше знакомых и приятелей. А здесь сколько возможно и сколько бывает зла! Есть приятельские кружки с очень дурными правилами. Общаюсь с ними, не заметишь, как объединишься с ними в духе, подобно тому как незаметно пропахнешь в вонючем месте. Они сами часто забывают о безнравственности своего поведения и спокойно грубеют в нем. Если и пробуждается в ком-то сознание, у него нет сил прекратить. Каждый опасается объявить об этом, ожидая, что его после всюду будут преследовать шутками, и говорит: «Так и быть, может быть, пройдет». *Худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33). Избави, Господи, каждого от этих сатанинских глубин. Для

⁴ Имеется в виду объяснение к притче о сеятеле: *ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге* (Мф. 13, 19), а также притча о плевелах: *Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел* (Мф. 13, 24 и далее).

решившегося работать Господу приятели – только благочестивые, ищущие Господа; от других же надо удаляться и близко с ними не общаться, следуя примеру святых Божиих.

Наибольшая опасность для юноши – от общения с другим полом. Если в первых соблазнах юноша только сбивается с прямого пути, здесь он, кроме того, теряет себя. В первом своем пробуждении это дело соединяется с потребностью прекрасного, которая со времени своего пробуждения заставляет юношу искать прекрасное. Между тем оно мало-помалу начинает в душе его принимать образ, и обыкновенно человеческий, потому что мы не находим ничего краше его... Созданный образ носится в голове юноши. С этого времени он будто бы ищет прекрасного, то есть идеального, неземного, а между тем встречается с земной девушкой и ею поражается. Этого-то поражения больше всего надо избегать юноше, потому что такая болезнь тем опаснее, что больному хочется болеть до безумия.

Как отворотить эту болезнь? Не ходи тем путем, которым доходят до нее.

Этот путь имеет три поворота.

1) Сначала у юноши пробуждается какое-то горестное чувство неизвестно о чем и от чего, но отзывающееся особенно тем, что он будто бы один. Это – чувство одиночества. Из этого чувства сразу же рождается другое – некоторая жалость, нежность и внимание к себе. Прежде он жил, как бы не замечая сам себя. Теперь он обращается к себе, осматривает себя и всегда замечает, что он не плох, не из последних, хороший человек: начинает чувствовать свою красоту, нравиться себе. Этим оканчивается первое движение соблазна к себе. С этих пор юноша обращается к внешнему миру.

2) Это вступление во внешний мир воодушевляется уверенностью, что он должен нравиться другим. В этой уверенности он смело и как бы победно начинает действовать и, может быть, впервые берет себе за правило опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинает бродить или искать знакомств, как будто без определенной цели, но по тайному влечению чего-то ищущего сердца. При этом он старается выделяться умом, приятностью в общении, предупредительностью, вообще всем, чем надеется нравиться. Вместе с тем он дает всю волю преимущественному органу душеобщения – глазу.

3) В этом настроении он похож на порох, подставленный под искры, и скоро встречается со своей болезнью. Пораженный или подстреленный, словно стрелой, особенно приятным взглядом или голосом, сначала стоит он в некотором восторге и ошеломлении. Придя в себя, он понимает, что его внимание и сердце обращены к одному человеку и стремятся к нему с непреодолимой силой. С той поры сердце начинает тосковать, юноша уныл, погружен в себя, занят чем-то важным, ищет, как будто что-то потерял, и что ни делает, делает для одного человека и как бы в его присутствии. Он как потерянный, сон и еда не идут ему на ум, обычные дела забыты и приходят в беспорядок, ему ничто не дорого. Он болен страшной болезнью, которая щемит сердце, стесняет дыхание, сушит самые источники жизни.

Вот ее постепенный ход! И само собой видно, чего должен опасаться юноша, чтобы не впасть в эту беду. Не ходи этой дорогой! Прогоняй предвестников – неопределенную грусть и чувство одиночества. Делай им наперекор: стало грустно – не мечтай, а начни делать что-нибудь серьезное со вниманием – и пройдет. Стала зарождаться жалость к себе или чувство, что ты хороший, – поспеши отрезвить себя и отогнать эту глупость какой-нибудь суровостью к себе, особенно разумным рассуждением о ничтожности того, что лезет в голову. Случайное или намеренное унижение в этом случае было как вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надо особенно потому, что тут начало движения.

Остановись тут – дальше не пойдешь: не родится ни желание нравиться, ни искание нарядов и щегольства, ни охоты ходить в гости. Прорвутся эти – и с ними борись. Какая надежная в этом случае ограда – строгая дисциплина во всем, труд тела и еще более головы! Усиль занятия, сиди дома, не развлекайся. Нужно выйти – следи за чувствами, держись подальше от другого пола, главное же – молись.

Кроме этих опасностей, вытекающих из свойств юношеского возраста, есть еще две. Во-первых, настроение, по которому до небес возносится рассудочное знание или собственное понимание. Юноша считает преимуществом во всем сомневаться и все то ставит в стороне, что не совпадает с меркой его понимания. Одним этим он отсекает от сердца весь настрой веры и Церкви, следовательно, отпадает от нее и остается один. Ища замены оставленному, кидается на теории, не соответствующие явной (Богооткровенной) истине, опутывает себя ими и изгоняет из своего ума все истины веры. Еще хуже, если повод к этому подаст преподавание наук в училищах и если подобный дух становится там преобладающим. Думают обладать истиною, а набираются туманных идей, пустых, мечтательных, большею частью враждебных даже здравому смыслу, которые, однако же, увлекают неопытных и становятся идолом для любознательного юноши. Во-вторых, светскость. Пусть в ней есть нечто полезное, но ее преобладание в юноше пагубно. Это жизнь по впечатлениям чувств, в таком состоянии, когда человек мало бывает в себе, а почти всегда снаружи, или делом, или мыслью. С таким настроением ненавидят внутреннюю жизнь и тех, что говорят о ней и живут ею. Истинные христиане для них мистики, запутавшиеся в понятиях, или лицемеры и прочее. Понять истину им мешает дух мира, господствующий в кругу светской жизни, знакомиться с которой не мешают и даже советуют юношам. При этом знакомстве мир, со всеми своими дурными понятиями и обычаями, набивается в восприимчивую душу юноши, не предупрежденного, не настроенного против этого, и отпечатывается на ней, как на воске, – и он невольно становится сыном мира. А это сыновство противоположно сыновству Божию во Христе Иисусе. Вот опасности для юношей от юности! И как трудно устоять! Но хорошо воспитанному и решившемуся посвятить себя Богу до юности она не так опасна; немного потерпеть, а там настанет чистейший и блаженнейший покой. Сохрани только обещание христианской чистой жизни в это время, а потом будешь жить с некоторой святой твердостью. Кто прошел безопасно юношеские годы, тот как будто переплыл бурную реку и, оглянувшись назад, благословляет Бога. А иной со слезами на глазах, в раскаянии, обращается назад и обвиняет себя. Того никогда не воротить, что потеряешь в юности. Кто падал, тот достигнет ли когда-нибудь того, чем обладает не падавший?

Из сказанного выше легко понять, почему так редки хранящие благодать Крещения. Воспитание всему причиною – и доброду, и злуду. Оттого не сохраняется благодать Крещения, что не соблюдается порядок, правила и законы примененного к тому воспитания.

Важнейшие причины таковы:

а) Отдаляются от Церкви и ее благодатных средств. Это истощает росток христианской жизни, отделяя ее от источников, и она увядает, как цветок в темном месте.

б) Отсутствует внимание к деятельности тела. Думают, что тело может всячески развиваться без вреда для души, между тем в его действиях коренится и овладевает душою центр страстей, которые развиваются вместе с развитием тела. Пронизывая действия тела, страсти получают в них постоянное место или строят из них нечто вроде неприступной крепости и тем упрочивают за собою власть на будущее.

в) Развивают силы души без разбора, не направляя к одной цели. Не видят цели впереди – не видят пути к ней. Отсюда при всей заботе о самом современном образовании только раздувают любопытство, своеволие и жажду наслаждений.

г) Совершенно забывают о духе. На молитву, страх Божий, совесть редко обращают внимание. Был бы видимый порядок, а внутренние состояния всегда подразумеваются и поэтому всегда забываются.

д) Во время обучения важнейшее дело закрывают побочными, единственное заслоняют множеством других.

е) Наконец, вступают в юность, не положив предварительно добрых начал и решимости жить по-христиански, и далее – не удерживают влечений юношеской жизни в должном

порядке, предают себя всей жажде впечатлений через развлечение, легкое чтение, мечтательность, неразборчивое общение с подобными себе и особенно с другим полом, исключительная научность и преданность духу мира, расхожим мыслям, правилам и обычаям, которые никогда не способствуют благодатной жизни, но всегда враждебны ей и стремятся ее подавить.

Каждой из этих причин и одной достаточно, чтобы погасить в человеке благодатную жизнь. Но обычно они действуют совместно и одна неминуемо привлекает другую; все же в совокупности они так забивают духовную жизнь, что и малейших следов ее иногда не заметно, как будто человек и не имеет духа, создан не для общения с Богом, не имеет к тому предназначенных сил и не получал оживляющей их благодати.

Почему не соблюдается целесообразный порядок воспитания – причина этому или в незнании такого порядка, или в пренебрежении им. Воспитание, оставленное без внимания самому себе, по необходимости принимает ложные и вредные направления, сначала в домашнем быту, а потом во время обучения. Но и там, где, по-видимому, воспитание совершается не без внимания и подчиняется определенным правилам, оно нередко оказывается бесплодным и уводящим от цели из-за ложных идей и принципов, на которых строится. Не то имеется в виду, не то делается главным, что нужно, не угождение Богу, не спасение души, а совсем другое: или совершенствование только естественных сил, или приготовление к должностям, к жизни в свете и прочее. Но когда нечист и ложен принцип, то и основанное на нем не может вести к добру. Как на главные отклонения можно указать:

1) на отстранение благодатных средств. Это естественное следствие забвения того, что воспитываемый – христианин и у него есть не только естественные, но и благодатные силы. А без этих средств христианин – это разгороженный сад, который топчут рыщущие бесы, ломает буря греха и мира, которых некому и нечем прогонять;

2) на приготовление только к счастью во временной жизни, с заглушением памяти о вечной. Об этом говорят дома и в классах, это выставляется главным в простых беседах; 3) на преобладание видимости во всем, не исключая даже священнослужения.

У того, кто не подготовлен дома, от такого воспитания неизбежно туман в голове, на все он смотрит не теми глазами, какими нужно, все представляет в извращенном виде, как сквозь разбитые или неподходящие очки. Поэтому и слушать не хочет ни о последней истинной своей цели, ни о средствах. Все это у него побочное дело, как бы шуточное.

Чтобы исправить такой дурной порядок вещей, нужно:

1) Хорошо понять и усвоить принципы истинно христианского воспитания и действовать по ним прежде всего дома. Домашнее воспитание – это корень и основание всему последующему. Хорошо воспитанного и подготовленного дома неправильное школьное воспитание не так легко собьет с прямого пути.

2) Вслед за тем перестроить по новым, истинным принципам школьное воспитание, внести в него христианские элементы, неверное исправить, главное – все время держать воспитываемого под обильнейшим влиянием Святой Церкви, которая всем своим порядком спасительно действует на воспитание духа. Это не давало бы разгораться греховным возбудителям, вытесняло бы дух мира и отгоняло дух из бездны. Вместе с этим надо направлять все от временного к вечному, от внешнего к внутреннему, воспитывать чад Церкви для Царствия Небесного.

Нужнее всего: 3) воспитывать воспитателей под руководством тех, кто знает истинное воспитание не по теории, а по опыту. Сформировавшись под надзором самых опытных воспитателей, они потом передадут свое искусство другим, следующим и т. п. Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, что бы впоследствии в деятельности уметь себя держать, замечать склонности воспитываемых и потом действовать на них с тер-

пением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых. Воспитание из всех святых дел самое святое.

Результат правильного воспитания – сохранение благодати Святого Крещения. Последнее вознаграждает с избытком все труды по первому. Ибо некоторые высокие преимущества принадлежат тому, кто сохранил благодать Крещения и с первых лет посвятил себя Богу.

1) Первое преимущество, как бы основание всех других, – целостность естественно благодатного состава. Человек предназначен для необыкновенно высоких сил, готовых излиться на него из источника всех благ, только пусть не портит себя. И кающийся может быть полностью исцелен, но ему, кажется, не дано знать и чувствовать того, что не грешившему, или он не может наслаждаться той целостью и обладать той смелостью, которая бывает ее следствием.

2) Отсюда сами собою вытекают живость, легкость, непринужденность в делании добра. Он ходит в добре, как в единственно родном себе мире. Кающемуся надо долго стараться и приучать себя к этому добру, чтобы совершать его легко, но и достигши этого, постоянно держать себя в напряжении и страхе. Тот, наоборот, живет в простоте сердца, в радостной, необманчивой уверенности спасения.

3) Затем в его жизни появляется некоторая ровность и безостановочность. В нем нет ни порывов, ни ослабления, и как дыхание у нас обычно ровное, так и у него жизнь в добре. Бывает то же и у покаявшегося, но не скоро приобретается и является не в таком совершенстве. Починенное колесо нередко дает знать о своем пороке, и починенные часы уже не так исправны, как новые.

4) Не грешивший всегда юн. В чертах его характера отражаются чувства ребенка, пока он еще не провинился перед отцом. Здесь первое чувство невинности, детство во Христе, как бы неведение зла. Сколько оно отсекает у него помыслов и мучительных волнений сердца! Затем необыкновенное радушие, искренняя доброта, тихость нрава. В нем во всей силе обнаруживаются указанные апостолом плоды Духа: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22–23). Он как будто одет в *милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение* (Кол. 3, 12). Затем он сохраняет непритворный веселый характер, или духовную радость, ведь в нем Царствие Божие, которое есть мир и радость о Святом Духе. Кроме того, ему свойственна некоторая дальновидность и мудрость, видящая все в себе и около себя и умеющая распоряжаться собой и своими делами. Его сердце сразу же говорит ему, что и как надо сделать. Наконец, можно сказать, он не боится падений, чувствует безопасность в Боге. *Кто отлучит нас от любви Божией?* (Рим. 8, 35). Все это в совокупности делает его и уважаемым, и приятным. Он невольно влечет к себе. Существование в мире таких людей – великая благодать Божия. Они заменяют апостольские сети. Как около сильного магнита собирается множество опилок или как сильный характер увлекает слабых, так обитающая в них сила Духа влечет к себе всех, особенно же тех, у кого есть начатки духа.

5) Главнейшее же нравственное совершенство у того, кто сохранился целым в годы юности, – некоторая непоколебимость добродетели во всю жизнь. Самуил остается твердым при всех искушениях в доме Илия и среди народных волнений. Иосиф среди недобрых братьев, в доме Пентефрия, в темнице и в славе одинаково сохранил свою душу непорочной⁵. Поистине, благо человеку, когда он несет иго в юности своей (см. Плач. 3,27). Сын мой! от юности твоей предайся учению и до седины твоих найдешь мудрость. Малое время потрудишься в возделывании ее и скоро будешь есть плоды ее (см. Сир. 6, 18, 20). Правильный настрой становится как бы природой человека, и если иногда немного нарушается, то скоро

⁵ О пророке Самуиле см. 1 Цар. 1 и др.; об Иосифе см. Быт. 37 и др.

приходит в изначальное положение. Поэтому святые в святцах – это большей частью те, кто сохранил нравственную чистоту и благодать Крещения в юности.

Кроме того, кто, сохранив чистоту, посвящает себя Богу с ранних лет, тот 1) делает дело самое угодное Богу, приносит Ему жертву самую приятную: а) потому что Богу вообще угоднее всего первое: начатки плодов, первенцы людей, животных и, следовательно, первые годы юности; б) потому что приносится жертва чистая – непорочная юность, что главным образом и требовалось от всякой жертвы; в) потому что делают это с преодолением немалых препятствий и в себе, и снаружи, с отречением от удовольствий, к каким особенно в это время чувствуют позыв;

2) совершает дело самое благоразумное. Нужно же посвятить себя Богу, ведь в этом одном спасение. Разве только кто предался отчаянию. Но нет лучше и надежнее для этого времени, как первое, когда мы осознали себя, – ведь кто знает, что будет завтра? Но если бы кто-то и надеялся прожить дольше, не посвящая всего времени Богу, он будет только затруднять себя, привыкая к противоположной жизни, и Бог знает, одолеет ли себя потом. Пусть даже и одолеет: что то за жертва Богу – больная, истощенная, поврежденная, не целая? Впрочем, хотя все это бывает, но как редко! Как редко потерявший невинность успевает вернуть ее! Как трудно обратиться не узнавшему доброй жизни с детства, живо изображает по собственному опыту блаженный Августин в своей исповеди. «Годы отрочества, – говорит он, – я провел в резвости и шалостях, даже непозволительных, в непослушании и невнимании к родителям. Со вступлением в юность началось распутство, и за три года я до того развратился, что потом 12 лет все намеревался исправить и не находил сил этого выполнить. Даже после того, как сделал я поворот к решительному перелому воли, еще медлил два года, откладывая обращение со дня на день. Так ослабла воля от первых страстей! Но после решительного обращения и принятия благодати в Святом Крещении что я должен был претерпеть, борясь с своими страстями, сильно тянувшими меня на прежний путь!»

Удивительно ли, что так мало спасающихся из греховно проведенных юности?! Этот пример яснее всего показывает, в какой великой опасности находится тот, кто не получил добрых правил в юности и Богу себя заранее не посвятил. Какое поэтому счастье получить доброе, истинно христианское воспитание, вступить с ним в юность и потом в том же духе – в зрелость.

Отдел II

О начале христианской жизни через покаяние или о покаянии и обращении грешника к Богу

Как начинается жизнь христианская в Таинстве Покаяния?

Благодатная христианская жизнь начинается в Крещении. Но немногие сохраняют эту благодать, большая часть христиан ее теряет. Видим, что одни больше или меньше развращены, с дурными началами, которым позволено развиваться в них и укорениться. В иных, может быть, и положены добрые начала, но в ранние годы юноши или по собственному влечению, или по соблазну от других забывают их, начинают привыкать к плохому и привыкают. Все такие не имеют уже в себе истинно христианской жизни; им снова надо начинать ее. Наша святая вера предлагает для этого Таинство Покаяния. *А если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника* (1 Ин. 2, 1). Согрешил ли, познай грех и покайся. Бог простит грех и опять даст тебе *сердце новое и дух новый* (Иез. 36, 26). Другого пути уже нет: или не грехи, или кайся. Даже, судя по многочисленности грешащих после крещения, надо сказать, покаяние стало для нас единственным источником истинно христианской жизни.

В Таинстве Покаяния у одних только очищается дар благодатной жизни, уже воспринятой и действующей в них; у других эта жизнь только начинается или дарится заново. Мы будем рассматривать его с этой последней стороны.

У вторых происходит резкое изменение к лучшему, перелом воли, отказ от греха и обращение к Богу или разжигание огня заботы только о богоугождении с отказом от себя и всего другого. Больше всего характерен болезненный перелом воли. Человек привык к плохому, надо теперь как бы раздирать себя. Он оскорблял Бога, надо теперь гореть в огне честного суда. Кающийся испытывает болезни рождающих и в чувствах сердца некоторым образом прикасается мучениям ада. Плачущему Иеремии заповедал Господь *разорять... созидать и насаждать* (Иер. 1, 10). И плачевный дух покаяния послан Господом на землю, чтобы, проходя в приемлющих его *до разделения души и духа, составов и мозгов* (Евр. 4, 12), разрушал прежнего человека и полагал основы для создания нового. В кающемся то страх, то легкая надежда, то страдание, то легкое утешение, то почти ужасы отчаяния, то дуновение радости милосердия сменяются одни другими и вводят или держат его в состоянии гибнущего или расстающегося с жизнью, но в надежде на новую.

Это болезненно, но спасительно, и так неизбежно, что кто не ощущал такого болезненного перелома, тот не начинал еще жить через покаяние. И нет надежды, чтобы человек смог и стал очищать себя во всем, не пройдя через это горнило. Решительное и живое противление греху бывает только от ненависти к нему; ненависть к нему – от чувства зла от него; чувство же зла от него испытывается во всей силе в этом болезненном переломе в покаянии. Тут только человек всем сердцем ощущает, какое великое зло есть грех, потому после и будет бежать от него, как от адского огня. Без этого же болезненного испытания хоть и станет себя очищать иной, но будет очищать только слегка, больше внешне, чем внутренне, больше в делах, чем в мыслях, а потому и сердце его все будет оставаться нечистым, как непереплавленная руда.

Такое изменение производит в человеческом сердце Божественная благодать. Только одна она может воодушевить человека поднять руку на себя, чтобы принести себя Богу в жертву. *Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня* (Ин. 6, 44). *Сердце новое и дух новый* подает Сам Бог (Иез. 36, 26). Человеку самому жаль себя. Слившись с плотью и грехом, он стал одно с ними. Отделить его и вооружить против себя может только внешняя, высшая сила.

Так, изменение грешника производит благодать, но не без свободного желания. В Крещении благодать дается нам в момент совершения над нами этого Таинства, а свободная воля приходит позже и принимает данное. При Покаянии же свободное желание должно участвовать в самом изменении.

Изменение к лучшему, обращение к Богу, как будто должно быть мгновенным или минутным, как это и бывает. Но предварительно оно проходит несколько поворотов, означающих сочетание свободы с благодатью, где благодать овладевает свободой и свобода подчиняется благодати, – поворотов, необходимых для каждого. Одни проходят их быстро, у других же это продолжается целые годы. Кто может проследить все, что здесь происходит, особенно когда очень разнообразны способы благодатного воздействия на нас и бесчисленны состояния людей, на которых оно начинает действовать? Но при всем разнообразии есть здесь один общий порядок изменения, которого никто не может миновать. Каждый кающийся живет во грехе – и каждого преобразует благодать. Поэтому на основании понятия о состоянии грешника вообще и отношения свободы к благодати и можно теперь показать этот порядок и определить правилами.

1. СОСТОЯНИЕ ГРЕШНИКА

Грешника, которому необходимо обновляться в покаянии, слово Божие обычно изображает погруженным в глубокий сон. Отличительная черта таких людей не всегда явная порочность, но собственно отсутствие этой воодушевленной, самоотверженной заботы о богоугождении с решительным отвращением ко всему греховному. У них благочестие не составляет главной цели забот и трудов; они, заботясь о многом другом, совершенно равнодушны к своему спасению, не чувствуют, в какой опасности находятся, не стремятся к добродетели и проводят жизнь холодную к вере, хотя иногда аккуратную и внешне безукоризненную.

Это общая черта. В частности безблагодатный является вот каким.

Отвернувшись от Бога, человек останавливается на себе и себя ставит главной целью всей своей жизни и деятельности. Это хотя бы потому, что после Бога нет для него ничего выше себя самого, особенно же потому, что, получив прежде от Бога всю полноту, а теперь оставшись без Него, он спешит чем-то себя наполнить. Образовавшаяся в нем пустота из-за отпадения от Бога постоянно разжигает в нем ничем не удовлетворимую жажду – неопределенную, но непрестанную. Человек стал бездонной пропастью, он усиленно заботится наполнить эту бездну, но не видит и не чувствует наполнения. Поэтому весь свой век он в поте, труде и огромных хлопотах: занят разнообразными делами, которыми надеется утолить пожирающую его жажду. Эти дела поглощают все его внимание, все время и всю деятельность. Они – первое благо, в котором он живет сердцем. Отсюда понятно, почему человек, считая себя исключительной целью, никогда не бывает в себе, а все – вне себя, в вещах, сотворенных или изобретенных суетой. От Бога, Который есть полнота всего, он отпал, сам пуст, осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них. Поэтому характерная черта греховной жизни – это при беспечности о спасении забота о многом (см. Лк. 10,41).

Виды и отличия этой заботы зависят от свойства образовавшихся в душе пустот. Пустота ума, забывшего о Едином, Который есть все, рождает заботу о многознании, разузнавание, пробование, любопытство. Пустота воли, лишившейся обладания Единым, Который есть все, производит желание многого или всего, чтобы все было в нашей воле, в наших руках, – это обладание. Пустота сердца, лишившегося наслаждения Единым, Который есть все, создает жажду многих и разнообразных удовольствий или поиск бесчисленных вещей, которыми надеемся удовлетворить свои чувства, внутренние и внешние. Так, грешник всегда в заботах о знании, обладании, наслаждении, услаждается, овладевает, узнает. Это – круговорот, в котором кружится он весь свой век. Любопытство манит, сердце надеется получить удовольствия и увлекает волю. Что это так, всякий может проверить сам, понаблюдав над движениями своей души хотя бы один день.

В этом круговороте и жил бы грешник, если его оставить одного: такова уж наша природа, когда рабски служит греху. Но этот круговорот в тысячу раз увеличивается и усложняется оттого, что грешник не один. Есть целый мир людей, которые только и делают, что разузнают, наслаждаются, добывают, которые привели в порядок все необходимые для этого приемы, подчинили законам, поставили в необходимость всем принадлежащим к их власти. Они, объединяясь, неизбежно приходя в соприкосновение, трут друг друга и в этом трении только возвышают в десятые, сотые и тысячные степени любопытство, обладание и услаждение, в них видя все счастье, блаженство и жизнь. Это суетный мир; его занятия, обычаи, правила, связи, язык, развлечения, понятия – все, от малого до великого, пропитано духом этих трех видов заботы и ведет к безрадостной духовной гибели тех, кто любит этот мир. Живо связанный со всем этим миром, всякий грешник опутывается его тысячесплетенной сетью, закутывается в нее глубоко-глубоко, так что его самого и не видно. Тяжелое бремя

лежит на грешнике – любителе мира и на каждой его части, так что и чем-то малым шевельнуть не по-мирски он не может, потому что тогда ему нужно поднять как бы тысячепудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дело и не берется никто, и не думает никто браться, но все живут, двигаясь по той колее, в какую попали.

К еще большей беде, в этом мире есть свой князь, неподражаемый по лукавству, злобе и опытности в обманах⁶. Через плоть и вещественность, с которыми соединилась душа после грехопадения, он имеет к ней свободный доступ и, подступая, разносторонне разжигает в ней любопытство, властолюбие, чувственное самоудовлетворение. Разными своими прельщениями постоянно держит в этих состояниях, подучивает, как удовлетворить их, и потом или помогает выполнить эти планы, или мешают, указывая на другие, более сильные, все с одной целью – продлить и углубить пребывание в них. Это и есть смена мирских неудач и удач, Богом не благословенных. У этого князя есть целое полчище слуг, подчиненных ему духов злобы. В каждое мгновение быстро носятся они по всему обитаемому миру, чтобы там посеять одно, в другом месте другое, углублять запутанных в сети греха, подновлять веревки, ослабевшие и порвавшиеся, особенно же следить, чтобы никто не вздумал развязать их и выйти на свободу. В этом последнем случае они поспешно собираются вокруг своевольника, сначала по одному, потом отрядами и легионами, наконец, всем полчищем – и это в разных видах и приемах, чтобы преградить все выходы, починить нити и сети и, по другому сравнению, опять столкнуть в бездну начавшего выбираться из нее по обрыву.

Есть у этого невидимого царства духов особые места – тронные, где составляют планы, получают распоряжения, принимают отчеты с одобрением или осуждением. Это глубины сатанины, по выражению св. Иоанна Богослова. На земле, среди подвластных им людей, эти места – союзы злодеев, развратников, особенно неверов-кошунников, которые делом, словом и писанием всюду разливают греховный мрак и заслоняют свет Божий. Они выражают здесь свою волю и власть с помощью мирских обычаев, пропитанных греховными стихиями, всегда одуряющих и отвлекающих от Бога.

Так устроена власть греха! Всякий грешник – весь в ней, но держится преимущественно чем-либо одним. И это одно, может быть, на вид иногда вполне терпимо и даже одобрительно. У сатаны одна забота, чтобы то, чем человек весь занят, где его сознание, внимание, сердце, было не Бог единственно и исключительно, а что-нибудь вне Его, чтобы, прилепившись к этому умом, волею и сердцем, он имел это вместо Бога и о том только заботился, о том разузнавал, тем услаждался и обладал. Здесь не только телесные и душевные страсти, но и приличные вещи – ученость, искусство, забота о житейском – могут служить оковами, которыми сатана держит ослепленных грешников в своей власти, не давая им опомниться.

Если посмотреть на грешника в его внутреннем настроении и состоянии, то окажется, что он иногда и много знает, но слеп в отношении к делам Божиим и к делу своего спасения; что он хоть всегда в хлопотах и заботах, но не думает и не делает ничего для своего спасения; что он хоть всегда испытывает тревоги или удовольствия, но совершенно нечувствителен ко всему духовному. В этом отношении грехом поражены все его силы, и в грешнике действуют ослепление, безразличие и нечувствие. Не видит он своего состояния, а потому не чувствует и опасности своего положения, не чувствует опасности своей, а потому и не заботится избавиться от нее. Ему и в голову не приходит, что нужно изменяться и спасаться. Он в полной, непоколебимой уверенности, что находится в своем правильном состоянии, что ему нечего желать, что все и должно оставаться так, как есть. А потому всякое напоминание о другом роде жизни считает лишним для себя, не слушает, даже понять не может, к чему оно, – сторонится его и избегает.

⁶ Имеется в виду дьявол.

2. ДЕЙСТВИЕ БОЖИЕЙ БЛАГОДАТИ

Мы сказали, что грешник есть то же, что человек, погруженный в глубокий сон. Как крепко спящий, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется сам и не встанет, если не подойдет кто-то другой и не разбудит его, так и погруженный в греховный сон не опомнится и не встанет, если не придет к нему на помощь Божественная благодать. По беспредельному милосердию Божию, она и готова для всех, всех обходит и зовет так, что слышно всякому: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф. 5,14).

Такое сравнение грешников со спящими помогает всесторонне рассмотреть их обращение к Богу. А именно: спящий пробуждается, встает, собирается идти на дело. И грешник, обращающийся и кающийся, пробуждается от греховного сна, доходит до решимости измениться (встает) и, наконец, получает силу на новую жизнь в Таинствах Покаяния и Причащения (готов на дело).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.